

© 2007 г. В.В. ПОНАРЯДОВ

ДИАЛЕКТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

В статье делается важная попытка выделения на лингвистических основаниях двух диалектов в языке рунических эпитафий VIII–XI вв. на территориях Тувы и Хакасии. Выделяется шесть релевантных признаков, которые позволяют дифференцировать тюркские диалекты – древнекыргызский и чикский.

В тюркологии широко распространено представление, что язык орхоно-енисейских рунических надписей представляет собой не отражение живых древнетюркских племенных и территориальных диалектов, но единую унифицированную литературную форму, носящую наддиалектный характер и употреблявшуюся в таком качестве самыми разными древнетюркскими этническими группами [Кормушин 1990; 1997а: 6, 13; 1997б: 90, 93; Poppe 1965: 60; Erdal 1998: 157; Gabain 2003: 2]. Вариативность, наблюдающаяся в языке памятников, интерпретируется лишь как колебания нормы единого литературного языка в результате распространения его на обширных территориях и функционирования в течение значительного хронологического периода [Баскаков 1962: 273; Тенишев 1990: 143–144]. Наиболее осторожно высказывался полвека назад С.Е. Малов, который считал, что вопрос нуждается в дополнительном изучении [Малов 1952: 6–7].

Однако уже после того, как С.Е. Малов изложил свою точку зрения, мнение о непредставленности в тюркских рунических надписях живых диалектов их создателей было закреплено результатами специального исследования, предпринятого И.А. Батмановым. Не отрицая того, что фонетическая и грамматическая вариативность в надписях может быть результатом диалектного влияния, он тем не менее делает заключение, что «во всех рассматриваемых текстах не нашли своего полного отражения говоры, а получили обозначение лишь их следы, потонувшие в нормах начавшей складываться письменной традиции» [Батманов 1964: 120–121].

Для крупнейшего современного знатока енисейской эпиграфики И.В. Кормушина вопрос об отсутствии в изучаемых им памятниках отражения аборигенных древнетюркских диалектов представляется настолько решенным, что он считает единственным путем определения этнической принадлежности надписей лишь выявление в них тонких лексических и стилистических предпочтений, ибо фонетика и грамматика представленного в них «межэтнического письменного койне» не обнаруживают никакой этнической вариативности [Кормушин 1997а: 6, 13]. В другой своей работе Кормушин отмечает, что зафиксированный в рунических надписях древнетюркский письменный язык должен был, несомненно, специально преподаваться, так как, имея «литературный и наддиалектный» характер, он не совпадал «с народно-разговорными языками (диалектами) использовавших его родственных тюркоязычных этносов» [Кормушин 1997б: 90].

Однако, вопреки всем этим суждениям, проведенное нами на материале енисейских рунических надписей исследование¹ показало, что положение об отсутствии в них диалектной дифференциации является ошибочным. Со всей несомненностью выделяются два непересекающихся комплекса признаков, которые позволяют говорить об отражении исследованными памятниками двух самостоятельных древнетюркских диалектов, различающихся на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Релевантными признаками являются следующие.

- (1) Местоимение 1 л. ед.ч. в диалекте А регулярно выступает в форме *mān* (10, 12; 28, 3, 4; 29, 3, 7; 32, 15; 47, 2, 3; 48, 14; 147, 1; 149, 1), а в диалекте Б – в форме *bān* (1, 2; 2, 5; 3, 3; 6, 3; 8, 3; 9, 2; 11, 1; 13, 5; 15, 1, 2; 16, 1; 19, 1; 20, 2; 24, 5, 8; 37, 1, 2, 3; 41, 3, 4; 44, 2, 6; 49, 2; 50, 5; 51, 1; 52, 1; 61, 3; 68, 3, 4, 6; 92, 2; 100, 1).
- (2) Показатель дательного падежа в формах притяжательного склонения *-qal-kā* (1, 2; 3, 2, 4, 5; 7, 3, 4; 8, 2; 13, 3, 4; 14, 2, 5; 16, 3; 17, 3; 21, 1; 22, 3, 4; 27, 5, 7; 28, 4, 6, 8; 30, 4; 32, 11, 14; 36, 2; 44, 2; 48, 14; 55, 3; 59, 8, 9; 68, 1; 70, 1, 5; 96, 2, 3; 100, 1; 120, 1, 2; 147, 1, 2, 3) встречается в обоих диалектах, но его показатель *-al-ā* (29, 4; 31, 3; 36, 3; 42, 3, 5; 46, 2; 147, 5; 149, 5; 152, 3) встречается только в памятниках диалекта А, а показатель *-yal-gā* (6, 4; 11, 3; 15, 2, 3; 45, 2, 5) – только в памятниках диалекта Б.
- (3) Суффикс разделительного деепричастия в форме *-ip/-ip/-ur* (10, 8; 45, 2) встречается в обоих диалектах, но его вариант *-īpan/-īpān* (28, 5; 30, 4, 5) обнаруживается только в диалекте А.
- (4) В значении «послани́к» в диалекте А встречается только слово *jalabač* (29, 8; 30, 5), в диалекте Б – только слово *elči* (1, 2; 14, 1) ~ *ālči* (24, 4).
- (5) Слово *kuŋčiŋ* (1, 1; 3, 1; 6, 4; 7, 4; 8, 2; 10, 1; 11, 1; 14, 2; 21, 5; 22, 3; 27, 2; 29, 1; 45, 6; 46, 1; 48, 7; 55, 2; 59, 2; 65/пл, 1; 68, 5; 70, 2; 100, 1; 147, 2) в значении «(первая) жена» широко употребляется в памятниках обоих диалектов; однако другие слова со значением «жена» – *eš* (2, 1; 51, 3), *kiši* (6, 2; 11, 3; 18, 3; 27, 4; 46, 3; 61, 2), *ābči* (42, 2; 51, 1; 66, 1; 100, 1; 109, 4) – засвидетельствованы во всех случаях, кроме двух (надписи №№ 42 и 46), в диалекте Б.
- (6) В значении «лошадь» слово *at* (28, 3; 41, 4; 42, 5; 48, 12) встречается в обоих диалектах, но слово *jon* (3, 5; 45, 8; 55, 3) только в диалекте Б.

В табл. 1 представлено распределение этих признаков по отдельным руническим надписям. В таблице приняты следующие обозначения:

- наличие в их текстах элементов, связываемых с диалектом А, кодируется буквой «а»; элементов, связываемых с диалектом Б, – буквой «б»;
- наличие характерного для диалекта Б признака (5) в связи с его не абсолютной надежностью отмечается в скобках – в виде «(б)». Соответственно, если он противоречит другим признакам, то диалект определяется как А, а если другие признаки для определения диалекта отсутствуют, то надпись определяется принадлежащей к диалекту Б условно, и указание на диалект в соответствующей графе сопровождается знаком вопроса «?»;

¹ Большинство памятников (№ 1–3, 5–8, 10–12, 14, 17, 19, 23, 25, 27–32, 37, 40, 42–46, 48–55, 59, 61, 65, 66, 68, 70, 92, 96, 98, 100, 104, 109, 110, 120, 147, 149, 152) рассматривается по изданию [Кормушин 1997а] как наиболее текстологически надежному. Не вошедшие в нее памятники № 9, 13, 15, 16, 18, 24, 26, 33–36, 38, 39, 41, 47 рассмотрены по изданию [Малов 1952]. Следует обратить внимание, что даваемые в этой книге чтения в определенных случаях устарели; в частности, вокативная частица *-a* систематически принимается за показатель дательного падежа, из-за чего при некритической работе с данным изданием окажется искаженным распределение ниже рассматриваемого признака (2). Сомнительные случаи (которые, впрочем, немногочисленны) нами не учитываются. Памятники, не представленные в указанных изданиях, оставлены без рассмотрения. При всех примерах указываются номера памятников, где эти примеры засвидетельствованы; номер после запятой курсивом отсылает к номеру строки соответствующего памятника. Например, 10, 12 расшифровывается как: памятник Е-10, 12-я строка; или 28, 3, 4: памятник Е-28, 3-я и 4-я строки. Подробнее о нумерации енисейских надписей см. [Кормушин 1997а: 7].

– пустые клетки таблицы обозначают отсутствие в надписи релевантного элемента.

Таблица 1

**Распределение релевантных признаков диалектной дифференциации
по отдельным руническим надписям**

№ текста	Регион	Диалект	Релевантные признаки					
			(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1	Тува	Б	б			б		
2	Тува	Б	б				(б)	
3	Тува	Б	б					б
4	Тува	?						
5	Тува	?						
6	Тува	Б	б				(б)	
7	Тува	Б		б				
8	Тува	Б	б					
9	Тува	Б	б					
10	Тува	А	а					
11	Тува	Б	б	б			(б)	
12	Тува	?						
13	Тува	Б	б					
14	Тува	Б				б		
15	Тува	Б	б	б				
16	Тува	Б	б					
17	Тува	?						
18	Тува	Б (?)					(б)	
19	Тува	Б	б					
20	Тува	Б	б					
21	Тува	?						
22	Тува	?						
23	Тува	?						
24	Тува	Б	б			б		
25	Хакасия	?						
26	Хакасия	?						
27	Хакасия	Б (?)					(б)	
28	Хакасия	А	а		а			
29	Хакасия	А	а	а		а		
30	Хакасия	А			а	а		
31	Хакасия	?						
32	Хакасия	А	а					
33	Хакасия	?						
34	Хакасия	?						
35	Хакасия	?						
36	Хакасия	А		а				
37	Хакасия	Б	б					
38	Хакасия	?						

Окончание

№ текста	Регион	Диалект	Релевантные признаки					
			(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
39	Хакасия	?						
40	Хакасия	?						
41	Тува	Б	б					
42	Тува	А		а			(б)	
43	Тува	?						
44	Тува	Б	б					
45	Тува	Б		б				б
46	Тува	А		а			(б)	
47	Монголия	А	а	а				
48	Хакасия	А	а					
49	Тува	Б	б					
50	Тува	Б	б					
51	Тува	Б	б				(б)	
52	Тува	Б	б					
53	Тува	?						
54	Тува	?						
55	Тува	Б						б
59	Тува	?						
61	Тува	Б	б				(б)	
65	Тува	?						
66	Тува	Б (?)					(б)	
68	Тува	Б		б				
70	Тува	?						
92	Тува	Б	б					
96	Тува	?						
98	Хакасия	?						
100	Тува	Б	б				(б)	
109	Тува	Б (?)					(б)	
110	Тува	?						
120	Хакасия	?						
147	Тува	А	а	а				
149	Тува	А	а	а				
152	Тува	А		а				

Итак, видим, что, несмотря на краткий в большинстве случаев объем енисейских надписей, релевантные для определения их диалектной принадлежности признаки во многих случаях подкрепляют друг друга. В общей сложности удастся определить диалектную принадлежность 45 надписей из обследованных 71, что составляет около 63%, или практически две трети текстов.

При этом в Хакасии почти все надписи оказываются принадлежащими к диалекту А. Здесь черты диалекта Б надежно обнаруживает лишь одна надпись № 37; кроме того,

употребление слова *abci* может быть основанием для отнесения также надписи № 27 к тому же диалекту, но поскольку этот признак не имеет решающей силы, то возможность принадлежности данного текста к доминирующему на хакасской территории диалекту А представляется все же более вероятной.

Однако на территории Тувы обнаруживается совершенно иное соотношение. При значительном преобладании памятников диалекта Б (25 случаев, не учитывая сомнительные) шесть надписей все же надежно идентифицируются как принадлежащие к диалекту А. Интересно, что все такие памятники находятся в длинной полосе, протянувшейся с запада на восток по середине тувинской территории, но они не встречаются ни в крайних северных, ни в крайних южных районах.

Картина столь красноречива, что практически не оставляет сомнений: на диалекте А говорило древнее население Хакасии (Минусинской котловины) – енисейские кыргызы, а диалект Б принадлежит местным племенам Тувы – чикам (и, возможно, азам)². Распространение памятников диалекта А на тувинской территории является результатом ее подчинения (и последующего длительного удержания) енисейскими кыргызами после разгрома ими ранее владевшего этим регионом уйгурского каганата в 840 г. н.э., причем кыргызы оставили свои надписи лишь в стратегически важной центральной части Тувы, а «медвежьи углы» на севере и юге Тувы их, видимо, мало интересовали, чем и объясняется отсутствие там принадлежащих к их диалекту памятников. Один или два памятника диалекта А на территории Хакасии, скорее всего, оставлены случайными переселенцами из Тувы в поздний период, когда оба этих ареала были политически объединены под кыргызской властью.

Итак, мы имеем убедительные основания считать диалект А древнекыргызским, а диалект Б – чикским³. Заметим, что единственный включенный в таблицу (под № 47) памятник, происходящий из Монголии, – известный «Суджинский камень», где коммеморант назван «сыном кыргыза», на основании чего С.Е. Малов и включает его (в отличие от позднейших исследователей) в корпус енисейских надписей [Малов 1952: 84–93], – по языковым особенностям действительно обнаруживает вполне определенные признаки диалекта А, т.е. древнекыргызского.

В заключение отметим, что, помимо учтенных в проведенном нами исследовании, в енисейских памятниках имеются также некоторые другие варьирующиеся признаки, которые, однако, не обнаруживают видимой корреляции ни с выделяемыми двумя диалектами, ни друг с другом. Таковы, например, отображение особой графемой закрытого гласного *e* в некоторых словах; наличие или отсутствие наращения *-n* после possessивного суффикса 3-го л. *-(s)i/- (s)i* перед послелогами; можно вспомнить и уже

² Заметим, что результаты, полученные И.В. Кормушиным в отношении этнической принадлежности надписей на основании анализа содержащихся на некоторых памятниках тамг [Кормушин 1997а: 14–17], не находятся в однозначной корреляции с лингвистически определяемой диалектной принадлежностью текстов. Так, из обладающих одним и тем же типом тамги и расположенных рядом памятников № 61 и № 152 первый принадлежит к диалекту Б, а второй к диалекту А; встречаются и другие аналогичные распределения. В таких случаях можно предполагать историческую смену отдельными обладающими специфической тамгой кланами языковой (а следовательно, и этнической) принадлежности. Вероятно, для определения этнической принадлежности лингвистические данные должны все же считаться более значимыми.

³ Лингвистические данные не дают ни малейших оснований к выделению на территории Тувы двух аборигенных диалектов (один из которых мог бы принадлежать чикам, а другой – азам). Если верна локализация в Туве обоих этих этносов (ср. [История Сибири 1968: 274; Кормушин 1997а: 11]), то следует предположить, что или они, постоянно общаясь друг с другом, говорили на одном и том же диалекте, или же все надписи диалекта Б оставлены только одним из этих народов, по всей вероятности – чиками, как более мощным этносом. С другой стороны, в то время как местонахождение в Туве чиков вполне надежно, в случае с азами возможны и другие решения; в частности, согласно карте в [История Сибири 1968: 268], азы жили на территории Горного Алтая, а не в Туве. Исходя из этих соображений, определение диалекта Б как чикского представляется нам более предпочтительным, чем именование его «чикско-азским».

упоминавшееся варьирование показателей дательного падежа *-qa ~ -a* в диалекте А (древнекыргызском) и *-qa ~ -ʁa* в диалекте Б (чикском). Весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с хронологическими вариантами; этот вопрос, однако, требует отдельного специального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков 1962 – *Н.А. Баскаков*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
Батманов 1964 – *И.А. Батманов*. Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
История Сибири 1968 – История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968.
Кормушин 1990 – *И.В. Кормушин*. Орхоно-енисейских надписей язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Кормушин 1997а – *И.В. Кормушин*. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
Кормушин 1997б – *И.В. Кормушин*. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.
Малов 1952 – *С.Е. Малов*. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
Тенишев 1990 – *Э.Р. Тенишев*. Древнетюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Erdal 1998 – *M. Erdal*. Old Turkic // The Turkic languages. London; New York, 1998.
Gabain 2003 – *A. Von Gabain*. Eski Türkçenin grameri. Ankara, 2003.
Poppe 1965 – *N. Poppe*. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965.